

КАКУДЗО ОКАКУРА

КНИГА ЧАЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Какудзо Оакура

Книга чая

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69938782

Книга чая: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-145717-4

Аннотация

Чай – неотъемлемая часть нашей повседневной жизни. Чашечка этого горячего напитка способна согреть в холодный день, подарить чувство уюта и принести душевное спокойствие. Но что мы знаем про его историю, традиции и философию? В «Книге чая» Оакура рассказывает об истории чая, чайных церемониях, школах и многом другом. Интерес к ней во всем мире не утихает уже более ста лет.

Также в сборник вошла работа «Идеалы Востока: дух японского искусства», которая рассказывает о развитии и изменениях в искусстве Японии разных эпох.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Сохранен издательский макет.

Содержание

Книга чая	5
I. Чашка для человечества	5
II. Школы чая	17
III. Даосизм и дзэн-буддизм	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Какудзо Окакура

Книга чая

© Перевод. И. Родин, 2023

© Перевод стихов. Н. Сидемон-Эристави, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Книга чая

I. Чашка для человечества

Прежде чем стать всеобщим напитком, чай использовался в Китае в VIII в. как лекарственное средство, о нем слагали стихи, а чайные церемонии превратились в изысканное развлечение. В XV в. в Японии его возвысили до религии эстетизма, чаизма (*teaism*), культа, основанного на восхищении красотой в окружении мерзостей каждодневного существования и несущего с собой чистоту и гармонию, таинства общего милосердия и романтизма общественного устройства. По существу, это поклонение несовершенству, то есть мягкая попытка завершить то, что возможно во всем этом невозможном, которое мы понимаем как жизнь.

Философия чая – это не только эстетизм в обычном значении данного слова, но еще и выражение того общего, что существует между этикой и религией, нашей цельной точкой зрения на человека и природу; это и гигиена, поскольку принуждает к чистоплотности; это и экономический аспект, так как демонстрирует, что простота предпочтительнее вычурности и роскоши; это и моральная геометрия в той мере, в какой она определяет соотношение сил, явлений и предметов во Вселенной. Эта философия представляет истинный

дух восточной демократии, потому что превращает всех в аристократов вкуса.

Долгая изоляция Японии от остального мира привела к углубленному самоанализу и оказалась в высшей степени благоприятной для развития чаизма. Жилище и обычаи, одежда и кухня, фарфор, лаки, живопись, даже литература – все подверглось его влиянию. Ни один знаток японской культуры не мог игнорировать его существование. Он пропитывается элегантною гостиние аристократии, входит в жилища простолюдинов. Наши крестьяне научились составлять цветочные композиции, а даже самые бедные рабочие – приветствовать скалы и водные потоки. В нашей обиходной речи встречается выражение «в нем нет чая», когда мы говорим о ком-то бесчувственном, черством, равнодушном. Про безудержного эстета, который, не обращая внимания на то, что его личная драма сиюминутна, ведет себя несдержанно, предается безумству чувств, мы говорим, что в нем «слишком много чая».

Иностранцу может показаться это весьма необычным: что за буря в чайной чашке! – но когда мы поразмыслим над тем, как все-таки мала чаша радостей человеческих, как быстро наполняется она слезами, как легко осушается до дна в нашей невосполнимой жажде бесконечного, тогда не будем осуждать себя за то, что придаем так много значения чайной чашке. Поклоняясь Бахусу, мы слишком легко приносим жертвы, даже преображаем кровавый образ Марса. По-

чему бы не сконцентрироваться на королеве камелий и не насладиться теплой волной сочувствия, исходящего от ее алтаря? В жидком янтаре, который наполняет чашку из костяного фарфора, посвященному может открыться сладость сдержанности Конфуция, острота Лао-Цзы и неземные ароматы самого Будды Шакьямуни.

Те, кто не может ощутить ничтожество великого в себе, не всегда способны заметить величие ничтожества в других. Средний представитель Запада в своем лощеном самодовольстве увидит в чайной церемонии лишь очередной пример из тысячи и одной странности, которые для него определяют привлекательность и инфантилизм Востока. Он был готов рассматривать Японию как варварскую страну, пока она доставляла удовольствие своими изысканными мирными искусствами, но после того, как Страна восходящего солнца устроила массовую бойню на полях сражений в Маньчжурии, стал называть ее цивилизованной. В последнее время было опубликовано множество комментариев к кодексу самурая – искусству смерти, который заставляет наших солдат ликовать, когда они приносят себя в жертву, и почти никакого внимания не было проявлено к чаизму, который так много говорит о нашем искусстве жизни. Пусть лучше мы останемся варварами, если наше желание превратиться в цивилизованных будет основываться на отвратительном воспевании войны. Придется дожидаться того момента, когда нашему искусству и идеалам будет оказано должное уважение.

Когда же Запад начнет понимать Восток или хотя бы попытается понять? Мы, азиаты, часто приходим в ужас от странной паутины, сотканной из фактов и фантазий, касающихся нас. Нас изображают как неких существ с измененным из-за благовоний лотоса сознанием. Это не что иное, как бессильный фанатизм или какой-то иной вариант низменного сладострастия. Индийская духовность осмеивается как невежество, китайская рассудительность – как глупость, японский патриотизм – как результат фатализма. Говорилось даже, что у нас низкая чувствительность к боли и ранениям за счет примитивности нашей нервной организации!

Да и почему бы не развлечься на наш счет? Но Азия возвращает комплимент. Появится и другая пища для веселья, если вы узнаете, что мы придумываем и пишем о вас. Тут есть и великолепные виды на будущее, и неосознанное почтение, и молчаливое негодование в адрес всего нового и неопределенного. Вас перегружают достоинствами, чересчур рафинированными, чтобы им завидовать, и обвиняют в преступлениях чересчур карикатурных, чтобы их осудить. Еще в глубокой древности наши писатели – мудрые люди, если кто знает – шокировали мир сообщениями, что вы прячете где-то под своей одеждой покрытые густой шерстью хвосты и на завтрак порой едите фрикасе из новорожденных младенцев! Мало того, у нас имелось и кое-что похлеще: мы привыкли относиться к вам как к самым непрактичным представителям человеческой расы на земле, потому что вы

учили тому, чего никогда не делали сами.

Среди нас подобные недоразумения быстро разрешались. Торговля открыла дорогу европейским языкам в восточные порты. Молодые люди из Азии толпами отправляются в западные колледжи в погоне за современным образованием. Наше понимание не проникает в глубь вашей культуры, но мы, во всяком случае, хотим учиться. Некоторые из моих соотечественников слишком усердно перенимали ваши обычаи и правила этикета, полные иллюзий, что, покупая жесткие воротнички и шелковые цилиндры, они приобретают достижения вашей цивилизации. Жалкие и не вызывающие ничего, кроме презрения, в своей манерности они доказывают тем самым, что мы готовы на коленях ползти на Запад. К сожалению, отношение Запада неблагоприятно для понимания Востока. Христианские миссионеры приходят, чтобы транслировать, а не воспринимать. Ваши сведения базируются на скудных переводах мизерного количества произведений нашей необъятной литературы, если не на недостоверных анекдотах каких-то заглядывавших к нам путешественников. Весьма редко случается, когда такие литераторы, как обладающий рыцарственным пером Лафкадио Хирн¹ или автор трактата «Шесть систем индийской философии» М. Мюллер (р. 1823) оживляют темноту Востока, изображая

¹ Лафкадио Хирн – переводчик с японского и популяризатор японских литературы и искусства на Западе, автор хорошо известных отечественному читателю сборников пересказов японских квайданов – историй в жанре мистики и ужасов. – *Примеч. науч. ред.*

наши реальные чувства.

Возможно, своим многословием я обнаруживаю невежество в отношении чайного культа. Вежливость требует, чтобы вы говорили лишь то, что от вас ожидают, и не более, но я не отношусь к слишком уж совестливым чаистам. Взаимное непонимание между новым и старым принесло уже столько вреда, что можно даже не извиняться за ту каплю, что добавляется во благо улучшения взаимопонимания. Начало XX в. будет избавлено от зрелища кровавой войны, если Европа снизойдет до того, чтобы узнать Азию лучше. Какие ужасные последствия для всего человечества заключены в высокомерном пренебрежении к восточным проблемам! Европейский империализм, который не гнушается лить слезы по «желтой жемчужине», не хочет понять, что в Азии тоже может пробудиться жестокость по отношению к «белым несчастьям». Можете высмеивать нас за то, что в нас «слишком много чая», а разве мы не можем считать, что у вас на Западе, в вашем устройстве, «нет чая» вообще?

Давайте сделаем так, чтобы континенты перестали набрасываться друг на друга с эпиграммами, и будем печальнее, если не мудрее, в достижении взаимной выгоды на половине полушария. Наше развитие шло разными курсами, и тем не менее нет причины, почему мы не можем дополнять друг друга. Вы осуществляете экспансию вширь, расплачиваясь за это общей агрессией; мы творим гармонию, которая слаба перед ее лицом. Можете ли вы поверить в то, что Восток в

определенном смысле куда состоятельнее Запада?

Довольно странно, что человечество встречается пока в чайной чашке. Это единственная азиатская церемония, которая удостоивается вселенского пиетета. Белый человек с усмешкой воспринимает нашу религию, нашу мораль, но без колебания принимает в руки чашку с коричневым напитком². Чай во второй половине дня сегодня стал важной составляющей западного общества. В тихом позвякивании блюда о поднос, в мягком шуршании женского гостеприимства, в общем разговоре о сливках и сахаре – во всем этом мы видим культ чая, который для нас существует вне всяких сомнений. Философская сдача гостя на милость судьбы, которая зависит исключительно от качества заварки, свидетельствует о том, что в данном простом случае дух Востока одержал верх.

Считается, что самое раннее упоминание о чае в европейских документах было найдено в отчете арабского путешественника, в котором сообщалось, что после 879 г. главным источником дохода в Кантоне была пошлина на соль и чай. Марко Поло фиксирует случай отставки китайского министра финансов в 1285 г. из-за того, что тот произвольно повысил пошлину на чай³. Это была эпоха Великих от-

² В Японии, в отличие от Китая, черный чай и сейчас предпочитают зеленому и желтому. – *Примеч. науч. ред.*

³ Вопрос о том, действительно ли Марко Поло совершил свое путешествие, остается открытым, но во времена написания книги в этом не сомневались. – *Примеч. науч. ред.*

крытий⁴, когда европейцы стали больше узнавать о Дальнем Востоке. В конце XVI в. голландцы привезли к себе новость, что на Востоке из листьев кустарника готовят приятное питье. Путешественники Рамузио (1559), Алмейда (1576), Маффено (1588), Тарейра (1610) также упоминают о чае. В 1610 г. корабли Голландской Ист-Индской компании привезли первый чай в Европу. Во Франции о нем узнали в 1636 г., до России он добрался в 1638-м⁵, Англия восторженно приветствовала его в 1650-м: «Это прекрасный тонизирующий напиток, одобренный врачами».

Как и все новое и прекрасное, популяризация чая столкнулась с сопротивлением. К ярым противникам чая принадлежал Генри Сэвил⁶, который назвал сам процесс употребления напитка грязным обычаем. Джонас Хенвей («Очерк о чае», 1756) вину напитку поставил низкорослость: заявил, что после употребления чая мужчины теряют в росте и привлекательности, а женщины – свою красоту⁷. Сначала цена (примерно 15–16 шиллингов за фунт) мешала популяризации чая и превратила его потребление в «привилегию высокого обращения и развлечения, предназначенных для прин-

⁴ Начало эпохи Великих географических открытий принято датировать плаванием Колумба в Новый Свет. – *Примеч. науч. ред.*

⁵ Но широко известен стал уже при Петре I. – *Примеч. науч. ред.*

⁶ Сэвил Генри (1549–1622) – английский математик и переводчик Библии. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

⁷ Кофе повезло еще меньше, – его поначалу считали наркотиком за сильный тонизирующий эффект. – *Примеч. науч. ред.*

цев и вельмож». Однако назло подобным препонам обычай пить чай распространился с удивительной быстротой. В первой половине XVIII в. лондонские кофейни на самом деле превратились в чайные, в места, посещаемые такими остряками, как, например, Джозеф Аддисон⁸ и Ричард Стил⁹, приятно проводившими время за «чайным блюдцем». Напиток очень скоро превратился в жизненную необходимость, а стало быть – облагался налогом. В этой связи мы напоминаем о том, сколь важную роль это сыграло в современной истории. Американская колония отказывалась выступать против метрополии, пока человеческое терпение не дало сбой под тяжестью налогов, которыми обложили чай. Американская независимость ведет отсчет с того момента, когда ящики с чаем побросали в воды Бостонской гавани¹⁰.

Во вкусе чая присутствует неуловимый шарм, который делает его неотразимым и достойным идеализации. Западные юмористы тут же начали смешивать благоухание своих мыслей с его ароматом. В нем не было ни надменности вина, ни самоуверенности кофе, ни жеманной невинности какао. Уже в 1711 г. «Спектейтор» писал: «По этой причине особым образом мне хотелось бы порекомендовать свои размышления всем приличным семьям, которые, отложив дела, каж-

⁸ Аддисон Джозеф (1672–1719) – английский писатель, основоположник нравоописательных эссе и реалистического романа XVIII в.

⁹ Стил Ричард (1672–1729) – ирландский писатель, журналист, политик.

¹⁰ Имеется в виду т. н. «бостонское чаепитие». – *Примеч. науч. ред.*

дое утро уделяют час времени чаю и хлебу с маслом, и на полном серьезе посоветовать ради их благополучия прика- зывать пунктуально подавать себе эту газету и сделать ее со- ставной частью чаепития». Сэмюэл Джонсон¹¹ описывал се- бя как «стойкого и бесстыдного любителя выпить чаю, кото- рый за двадцать лет разбавлял свою еду только настоем этого обворожительного растения, который развлекает себя чаем по вечерам, чаем утешает себя в полночь и с чаем встречает утро».

Чарлз Лэм¹², открытый сторонник чая, озвучил истинную ноту, которую уловил в чаизме, когда написал, что величай- шее наслаждение из известных ему – это сделать доброе де- ло, но тайно, и узнать об этом случайно. Чаизм – это ис- кусство скрывать красоту, которую ты можешь обнаружить, или предположить, что никогда не осмелишься ее открыть. А еще это возвышенный секрет умения посмеяться над собой, спокойно и без купюр, чем, собственно, и является юмор сам по себе: философской улыбкой. В этом смысле всех истин- ных юмористов можно было бы назвать чайными философа- ми – Теккерея, к примеру, и, конечно, Шекспира¹³. Поэты эпохи декаданса (когда мир не находился в эпохе декаданса?)

¹¹ Джонсон Сэмюэл (1709–1784) – английский писатель и лексикограф.

¹² Лэм Чарлз (1775–1834) – английский писатель, автор переложения пьес Шекспира для детей, антологий и эссе.

¹³ В эпоху Шекспира чай до Великобритании еще не дошел. – *Примеч. науч. ред.*

через свой протест против материализма открыли дорогу к чаизму. Возможно, в наши дни это превратилось в скромное созерцание несовершенства, в котором Запад и Восток смогут взаимно утешиться.

Даосисты утверждают, что во времена великого начала Не-Начал Дух и Материя встретились в смертельной схватке. В конце концов, Желтая империя отпраздновала свой триумф над Шуюном, демоном темноты и подземелья. В смертельной агонии этот колосс ударился головой о солнечный свод и разбил вдребезги нефритовый голубой купол. Звезды сдвинулись со своих мест, Луна бесцельно бродила по пустынным расщелинам ночи. В отчаянии желтый император попытался починить небеса¹⁴, но все было напрасно. И тут на краю Восточного моря появилась королева, с хвостом дракона и в ослепительных огненных доспехах, божественная Ниука, голову которой украшали рога. В котле она сварила пятицветную радугу и восстановила китайское небо. Но также известно, что Ниука забыла заделать две крохотные трещины в голубом небесном своде. Это стало началом дуализма в любви – две души перемещаются в пространстве и не могут обрести покой, пока не найдут друг друга и не дополнят Вселенную. Каждый заново строит свои небеса надежды и мира.

Небо современного человечества действительно разбито в циклопической битве за богатство и власть. Мир проби-

¹⁴ Имеется в виду Желтый Дракон – мифический первый император Китая. – *Примеч. науч. ред.*

рается на ощупь во тьме эгоизма и пошлости. Нечистая совесть покупает знания, добро совершают ради выгоды. Восток и Запад, как два дракона, которых бросили в бурное море, тщетно стараются добыть жемчужину жизни. Нам опять нужна Ниука, чтобы преодолеть великое опустошение; мы ждем великого Аватара. А пока давайте сделаем глоток чая. Закатное солнце освещает бамбуковые заросли, фонтаны сладко журчат, шелест сосен отзывается в шуме нашего чайника. Давайте помечтаем об исчезновении и задержимся среди прекрасной глупости вещей.

II. Школы чая

Чай нуждается в руке мастера, который выведет на свет его самые благородные качества и превратит в произведение искусства. Есть чай хороший и плохой, как есть шедевры и копии, оригиналы и подделки. Не существует какого-то единого рецепта для приготовления совершенного чая, как не существует правил для создания гениального произведения живописи. Каждая подготовка листьев обладает своей индивидуальностью, особым родством с водой и жаром, воспоминаниями, передаваемыми по наследству, своей манерой поведать историю. В чае всегда должна присутствовать истинная красота, хоть мы особо и не страдаем от того, что общество упорно не желает признавать этот простой и фундаментальный закон для искусства и для жизни. Ли Цинчжао, китайский поэт эпохи Сун (960–1279), с печалью отмечал, что современный мир уродуют три прискорбные тенденции: когда талантливую молодежь портят неправильным образованием; когда происходит деградация изящной живописи из-за вульгарного восхищения ею, когда неправильно приготовленный прекрасный чай превращается в помой¹⁵.

У чая, как и у искусства, есть свои периоды и свои шко-

¹⁵ Любители зеленого и желтого чая из Китая довольно долго считали, что любители черного чая из Индии и Японии не разбираются в этом напитке. – *Примеч. науч. ред.*

лы. В его эволюции можно грубо выделить три основных этапа: вареный чай, взбитый и заваренный. Наши современники принадлежат к последней школе. Эти несколько методик оценки напитка определяют дух эпохи, когда они превалировали. Всю жизнь нас сопровождает экспрессия, неосознанные действия всегда выдают наши глубинные мысли. Конфуций говорил, что «человек ничего не скроет». Возможно, мы слишком часто приоткрываем себя в мелочах, потому что в нас нет ничего такого, что стоит скрывать, истинно великого. Мелким происшествиям повседневности или комментариям о расовых идеалах придается такое же значение, как высшим достижениям философии или поэзии. Различия в выборе любимых сортов говорят о групповых предпочтениях разных эпох и разных национальностей в Европе. Точно так же чай-идеалы характеризуют разные настроения в культуре Востока. Плиточный чай, который варили, порошковый, который взбивали, и листовой, который заваривали, – все это отчетливый след эмоционального всплеска китайских императорских династий Тан, Сун и Мин. Если воспользоваться терминологией классификации искусства, вызывавшей в свое время многочисленные нарекания, мы могли бы соответственно выделить три школы чая: классическую, романтическую и натуралистическую.

Чай, как растение, происходит из южных районов Китая и издавна был хорошо известен местным ботаникам и целителям. О нем упоминают классики разных эпох, которые высо-

ко ценили чай за способность снимать усталость, услаждать душу, укреплять волю, а также восстанавливать зрение. Его, настоящий, принимали не только определенными порциями внутрь, но очень часто использовали в виде примочек, чтобы облегчить ревматические боли. Даосисты считали чай важным ингредиентом эликсира бессмертия. Буддисты широко использовали его против сонливости во время своих многочасовых медитаций.

К IV–V вв. чай становится любимым напитком обитателей долины реки Янцзы. Примерно в то же время для его обозначения появляется дошедший до наших времен иероглиф «ча», явное искажение классического «тоу». В стихах поэтов южных династий мы находим следы их пылкового обожания «напитка из текучего нефрита». В то время императоры пользовались редкими рецептами приготовления чайного листа для награждения своих высокопоставленных министров в знак признания их особых заслуг, но способ употребления чая тогда поражал своим примитивизмом: сначала листья распаривали, затем толкли в ступе, формировали из них лепешку, а потом варили вместе с рисом, имбирем, солью, апельсиновыми корками, специями, молоком, а иногда даже репчатым луком!¹⁶ Такой обычай сохранился до наших дней среди тибетцев и различных монгольских племен, которые готовят из этих ингредиентов весьма специфический на вкус

¹⁶ В Японии рис, сваренный в чае, и сейчас – одно из самых любимых и популярных блюд традиционной кухни. – *Примеч. науч. ред.*

сироп. Традиция класть в чай ломтики лимона пришла от китайских караванщиков и жива до сих пор.

Потребовался гений династии Тан, чтобы избавить чай от приземленного статуса и привести к окончательной идеализации. В середине VIII в. с поэтом Лу Юем¹⁷ у нас явился первый апостол чая. Он родился во времена, когда буддизм, даосизм и конфуцианство пытались прийти к взаимному синтезу. Пантеистический символизм тех времен настоятельно требовал появления личности, которая сумела бы отразить Вселенную в индивидуальности. В чайной церемонии поэт Лу Юй увидел те же самые гармонию и порядок, что пронизывают все существующее в мире. После того как в своем знаменитом произведении он сформулировал чайный канон, с того момента он был признан богом-покровителем китайских торговцев чаем.

«Чайный канон» состоит из десяти глав в трех книгах. В первой главе содержатся рассуждения о природе чая как растения, во второй – о методах сбора чайного листа, в третьей – об отборе листьев. По мнению автора, листья самого высокого качества должны «сминаться, как кожаная обувь монгольских всадников, свиваться, как подгрудок у мощного вола, разворачиваться, как туман, поднимающийся из ущелья, блестеть, как озеро, тронутое ветерком, сохранять легкую влажность и мягкость, как плодородная земля после дождя».

¹⁷ Лу Юй (733–804) – китайский поэт и писатель, создатель первого трактата «Чайный канон».

Четвертая глава посвящена перечислению и описанию двадцати четырех участников «чайной свиты», начиная с сосуда на трех ножках и кончая бамбуковым сундуком для хранения всех этих предметов. Тут заметна склонность Лу Юя к символизму даосского толка. В этой связи также интересно отметить влияние чая на китайскую керамику. Хорошо известно, что история фарфора из Поднебесной начиналась с попыток воспроизвести изысканные оттенки нефрита, и закончилось это тем, что в эпоху Тан на юге страны появилась голубая глазурь, а на севере – белая. Лу Юй считал голубую глазурь идеальной для чайной чашки, потому что она придавала дополнительный зеленоватый оттенок напитку, в то время как белая – розоватый, что было проявлением безвкусыя. Это все потому, что он употреблял плиточный чай. Позже, когда вошел в употребление порошковый чай, мастера стали отдавать предпочтение тяжелым чашкам сине-черного и темно-коричневого цветов. При династии Мин с ее заварочным чаем стали популярны легкие чашки из белого фарфора.

В пятой главе Лу Юй описывает способы приготовления чая, исключив все ингредиенты, кроме соли, и подробно рассматривает самый дискутируемый вопрос – о выборе воды и уровне ее кипячения. По его мнению, вода из горных источников самая лучшая, за ней следует речная и родниковая вода. Кипячение проходит три стадии: сначала мелкие, размером с рыбий глаз, пузырьки воздуха, поднимаются на по-

верхность, потом уже похожие на прозрачные бусины крутятся в фонтане и наконец вода вздымается волной. Плиточный чай разогревают над огнем до тех пор, пока не станет мягким и пластичным, потом растирают между двумя слоями тонкой бумаги. Соль кладут на первой стадии кипячения, на второй – чай, а на третьей в котелок доливают ковш холодной воды, чтобы осадить чай и оживить «молодость воды». Затем напиток разливают по чашкам и пьют. О, нектар! Прозрачные чаинки висят в чашке, как чешуйчатые облака на ясном небе, или плавают, как водяные лилии в изумрудном потоке. Именно о таком напитке писал Лу Тон, один из знаменитых танских поэтов: «Первая чашка увлажняет мне губы и горло, вторая – разбивает мое одиночество, третья – обыскивает мое бесплодное нутро, но находит только пять тысяч томов странных иероглифов, четвертая – вызывает легкую испарину, все дурное в жизни утекает через поры, с пятой чашкой приходит очищение, шестая зовет меня в царство бессмертных, седьмая... – Ах, больше не могу! Я только чувствую прохладное дыхание ветра, который вздымается в моих руках. Где тут гора бессмертных Пэнлай? Я перенесусь туда вместе с ветром».

В остальных главах трактата автор указывает на вульгарность повседневных способов чаепития, рассказывает о прославленных любителях чая, описывает знаменитые чайные плантации Китая, делится возможными вариантами сервировки чая, а также прилагает изображения чайной посуды и

сопутствующей утвари. К сожалению, последняя глава была утеряна.

Появление «Чайного канона» в то время должно было произвести серьезное впечатление. Лу Юй был дружен с самим императором Дайцзуном (763–770), что только усиливало его популярность и увеличивало число последователей. Некоторые особо изощренные утверждали, что могут отличить чай, приготовленный самим Лу Юем, от напитка его учеников. Один из высокопоставленных чиновников обесмертил свое имя тем, что не смог отличить чай великого мастера и отказался его пить.

Во времена династии Сун в моду вошел взбитый чай, что привело к появлению второй школы чая. Листья измельчали на небольшой каменной мельнице до состояния порошка, потом взбивали в горячей воде маленьким веничком, сделанным из расщепленного бамбука¹⁸. Это внесло некоторые изменения в список утвари, представленный в свое время Лу Юем, а также в способ выбора листьев. Соль исключили навсегда. Восторг в отношении чая у людей эпохи Сун не знал границ. Любители чая соперничали друг с другом, разрабатывая новые варианты приготовления напитка, регулярно устраивались состязания, на которых определяли победителя. Император Хуэйцзун (1101–1124), который был слишком большим художником, чтобы стать достойным правите-

¹⁸ В Японии такой веничек и сейчас – неременная часть классической чайной церемонии. – *Примеч. науч. ред.*

лем, тратил огромные деньги на приобретение редких сортов чая и даже написал труд о двадцати разновидностях этого растения, среди которых особо выделил белый чай, как сорт редчайшего и самого изысканного качества.

Чай-идеалы современников династии Сун, как и воззрения на жизнь, отличались от идеалов их предшественников. Это была попытка актуализировать то, чему раньше придавалось символическое значение. Для неоконфуцианского сознания было характерно представлять, что космические законы не отражаются в мире отдельной личности, а отдельная личность и есть сам космический закон. Вечность сиюминутна, Нирвана всегда находится в пределах достижимого. Даосская идея, что бессмертие заключено в непрестанном изменении, проникло во все направления умственной деятельности. Стал интересен процесс, а не поступок. Процесс завершения, а не завершенность, – вот что было жизненно важным. Человек, таким образом, обращался лицом к природе. Новое значение приобретало искусство жить. Чай переставал быть поэтической формой времяпрепровождения, зато становился способом заняться самореализацией. Ван Юйчэн¹⁹ восхвалял чай, который «наполняет душу, словно в ответ на прямую просьбу, и его деликатная горечь напоминает послевкусие от хорошей беседы». Су Дунпо²⁰ писал о силе

¹⁹ Ван Юйчэн (954–1001) – китайский поэт эпохи Сун, чиновник.

²⁰ Су Дунпо (Су Ши) (1037–1101) – китайский поэт, эссеист, художник, каллиграф, государственный деятель, мастер чайных церемоний.

незапятнанной чистоты, заключенной в чае, которая бросает вызов разложению как реальный добродетельный человек. Среди буддистов южной секты дзэн, которая впитала в себя так много даосских доктрин, возник подробно расписанный ритуал. Монахи собирались перед изображением Бодхидхармы и пили чай из простых чаш, придерживаясь правил, которые полагается соблюдать при осуществлении таинства. Этот самый ритуал развился в настоящую чайную церемонию в Японии в XV веке.

К сожалению, неожиданное нашествие монгольских племен в XIII веке обернулось опустошением и завоеванием Китая, подпавшего под варварскую власть Юаньских императоров, которые уничтожили все плоды сунской культуры. Местная династия Мин предприняла попытку восстановить страну, но в середине XV в. столкнулась с внутренними проблемами, и к XVII Китай вновь попал под власть чужеземцев, на этот раз маньчжуров. Поведение и обычаи изменились, не оставив и следов от прежних времен. Про порошковый чай полностью забыли. Мы наткнулись на одно высказывание из эпохи Мин, автор которого пытался вспомнить, как выглядел веничек для взбивания чая, о котором он прочитал в классическом произведении времен династии Сун. Теперь чай готовили, заваривая листья в горячей воде в чайнике или прямо в чашке. Именно потому, что в Европе стало известно о чае лишь на закате династии Мин, западный мир ничего не знал о старых способах чаепития.

И в новые времена китайский чай хоть и остается напитком восхитительным, но далеко не идеальным. Из-за бедствий, постигших его страну, чай лишился способности придавать жизни смысл, стал современным, то есть лишенным чар, потерял ту возвышенную веру в иллюзию, которая творила вечную молодость и питала силами поэтов и мудрецов. Он эклектично и вежливо воспринял традиции Вселенной. Он заигрывает с природой, но не снисходит до того, чтобы завоевать ее или служить ей. Листовой чай иногда прекрасен своим ароматом, похожим на цветочный, но романтизма, присущего танским и сунским церемониалам, в его чашке не найти.

Япония, которая шла по стопам китайской цивилизации, была знакома с чаем на всех трех его этапах. Мы читаем, как уже в 729 г. император Сёму в своем дворце в Нара устроил чаепитие для сотни монахов. Чайные листья, вероятно, привез его посол при танском дворе. Приготовили чай по тогдашней моде. В 801 г. монах Сайтё привез по возвращении на родину несколько семян и посадил их. В последующие века обрели известность многие чайные сады, так что аристократия и духовенство наслаждались напитком. Сунский чай добрался до нас в 1191 г., когда Эйсай вернулся после изучения южной школы дзэн. Новая порция семян, которую он привез с собой, была удачно посеяна в трех местах, в том числе близ Киото, в Удзи, который дал имя лучшему чаю в мире. Южная ветвь дзэн распространялась с поразительной

быстротой, а заодно с ней чайный ритуал и чайные идеалы периода Сун. К XV в. под покровительством сёгуна Асикага Ёсимаса чайная церемония полностью устоялась и превратилась в независимое, светское действо. С этого времени чаизм полностью утвердился в Японии. Использование заварочного чая позднего Китая – явление у нас относительно недавнее: стало известно с середины XVII в. Заварочный чай заменил порошковый в общем употреблении, но не вытеснил полностью: порошковый сохранил свои позиции как чай из чаев.

Именно в японской чайной церемонии мы видим кульминацию чайных идеалов. Наше успешное сопротивление монгольскому вторжению в 1281 г. дало возможность продолжать движение, начатое в эпоху Сун и так безжалостно прерванное в Китае набегом кочевников. С нами чай стал не просто идеализацией формы его питья, а превратился в религию искусства жить. Напиток поднялся до уровня, на котором начинается поклонение чистоте и утонченности, осуществляется священная функция, когда хозяин и гость соединяются в нем, чтобы обрести всеобъемлющее земное блаженство. Чайная комната превращается в оазис в безотрадной пустыне утекающей жизни, где усталые путники могут встретиться, чтобы утолить жажду от всеобщего источника искусства взаимопонимания. Церемония – это импровизированная драма, интрига которой соткана вокруг чая, цветов, живописи. Никакое цветочное пятно не должно нарушать

общий тон чайной комнаты, звук – ритм передвижения вещей, жест – гармонии движений, слово – единства окружающей обстановки; все телодвижения должны быть простыми и естественными – такова главная цель чайной церемонии. И что удивительно – этого удавалось достичь. За всем скрывалась утонченная философия. Чаизм представлял собой изменившийся внешне даосизм.

III. Даосизм и дзэн-буддизм

Связь дзэн-буддизма с чаем вошла в поговорку. Мы уже отмечали, что чайная церемония стала развитием дзэн-ритуала. Имя Лао-Цзы, основателя даосизма, также тесно ассоциируется с историей чая. В китайской литературе, касающейся происхождения традиций и обычаев данной философской школы, утверждается, что церемония предложения чая гостю началась с Гуаньинь – богини милосердия и почитательницы Лао-Цзы, которая, встретив его у ворот Хань, преподнесла старому философу чашу с золотистым эликсиром. В будущем мы еще обсудим аутентичность этой легенды, которая, однако, ценна тем, что подтверждает раннее использование даосистами данного напитка. Наш интерес к даосизму и дзэн-буддизму определяется большей частью теми идеями, касающимися жизни и искусства, которые вошли в плоть и кровь чаизма.

Достойно сожаления, что до сих пор не существует адекватного описания даосских и дзэн-буддийских доктрин на любом из иностранных языков, хотя для этого и предпринимались некоторые попытки.

Перевод всегда измена. Как отмечали авторы эпохи Мин, в лучшем случае он может показать лишь изнанку парчи – вот вам все нити, все узелки, но нет даже намека на цвета и общий рисунок. Но, в конце концов, что можно с легко-

стью извлечь из величайших доктрин? Мудрецы древности никогда не придавали своим учениям систематической формы и говорили парадоксами, потому что боялись сказать полуправду. Начинали свои беседы как глупцы, а заканчивали тем, что делали своих слушателей мудрецами. Сам Лао-Цзы, обладавший оригинальным чувством юмора, говорил: «Если бы люди с самым заурядным умом слышали про Дао, то расхохотались бы. Это не было бы Дао, если бы они не засмеялись над ним».

Значение иероглифа «дао» – дорога²¹. Его не один раз переводили как «путь», «абсолют», «закон», «природа», «верховная причина», «обычай». Нельзя сказать, что все эти интерпретации неправильны, потому что использование данного термина даосистами отличается в зависимости от темы обсуждения. Лао-Цзы так говорил об этом: «Существует нечто, что включает в себя все. Оно родилось до того, как появились небо и земля. Такое молчаливое! Такое одинокое! Оно остается само по себе и не подвержено изменениям. Оно обращается без опасности для самого себя и является матерью Вселенной. Я не знаю его имени и поэтому назвал «дорогой». С неохотой я еще называю его бесконечностью. Бесконечность – это мимолетность, а мимолетность – это исчезновение, а исчезновение – это возвращение».

Дао скорее «переход», чем «дорога». Это душа космического чередования – вечное движение, при котором происхо-

²¹ В русском языке чаще употребляется версия «путь». – *Примеч. науч. ред.*

дит возврат к началам, чтобы затем произвести новые формы. Дао отталкивается от самого себя, как дракон – любимый символ даосистов. Оно сворачивается и разворачивается, как облако. О Дао можно говорить как о великом осуществлении перехода. Субъективно говоря, это настроение Вселенной, абсолют в своей относительности.

Необходимо помнить в первую очередь, что даосизм, как и его законный наследник дзэн-буддизм, представляет индивидуалистическое направление в южно-китайской мысли в противовес коллективизму Северного Китая, который выражает себя в конфуцианстве. В Срединном государстве, огромном, как Европа, существовали групповые отличительные особенности, территориально связанные с районами двух великих рек, которые пересекают его: Янцзы и Хуанхэ. Даже до сегодняшнего дня, после многовековых попыток унификации, жители Южного Китая по образу мыслей и верований значительно отличаются от своих северных собратьев, примерно как латиняне от тевтонов. В древние времена, когда общение было намного труднее, чем сейчас, а в особенности в период феодальной раздробленности, эта разница в образе мыслей казалась особенно очевидной. Искусство и поэзия тех, кто дышал одной атмосферой, совершенно отличались от искусства и поэзии других. У Лао-Цзы и его последователей, а также у Цюй Юаня, предтечи плеяды поэтов, воспевавших красоты Янцзы, мы находим проявления идеализма, совершенно несовместимого с этическими

понятиями прозы, принадлежавшей современным им писателям с Севера. Лао-Цзы жил за пять веков до начала христианской эры.

Зародыш умственных построений, характерных для даосистов, можно обнаружить задолго до прихода Лао-Цзы, недаром получившего прозвище «Длинные Уши»: древние письменные памятники Китая, в особенности «Книга перемен», предвляли его мысли. Но величайшее уважение вызывают законы и обычаи этого классического периода китайской цивилизации, кульминацией которого явилось установление династии Чжоу в XVI в. до н. э., которая поддержала подконтрольное развитие индивидуализма надолго вперед, вплоть до распада Чжоу на несколько независимых царств, что способствовало дальнейшему бурному расцвету свободы мысли. Лао-Цзы и Чжуан-Цзы оба были южанами и величайшими представителями Новой школы. С другой стороны, Конфуций с его многочисленными последователями стремился сохранить унаследованные традиции. Даосизм невозможно понять без определенных знаний о конфуцианстве и наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.